

«ОЧЕРКИ ПО ГРАММАТИКЕ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА»*

Совсем еще недавно слабо изученные иранские языки привлекались марровцами в качестве дополнительного материала для подтверждения положений «нового учения» о языке, причем грамматический строй иранских языков и их словарный состав оставались, как правило, вне поля зрения последователей Н. Я. Марра, в результате чего чувствовалось значительное и досадное отставание иранского языкознания от прочих частных языкознаний.

В настоящее время наука об иранских языках освободилась не только от всего псевдонаучного, но и от некоторого кризиса роста, неизбежного при всяких коренных перестройках, и прочно укрепились на фундаменте марксистского языкознания. Базируясь на этом прочном фундаменте, иранское языкознание добилося уже некоторых успехов. Об этом свидетельствует деятельность наших таджикологов и, в частности, рецензируемые выпуски по грамматике таджикского языка — одного из важных языков иранской группы. Отрадно, вслед за В. С. Расторгуевой, признать, что «исследование грамматического строя по праву занимает сейчас центральное место в работе таджикских языковедов, поскольку именно в этой области с наибольшей силой ощущался вред, нанесенный марровским „новым учением о языке“» (выпуск 3, стр. 3).

Можно с полной уверенностью сказать, что «Очерки по грамматике таджикского языка», несмотря на имеющиеся в них недостатки, являются большим достижением ранее отстававшей иранистики. «Очерки» будут иметь большое значение не только для теории таджикского языка, но и для персидского, осетинского, афганского, курдского и прочих иранских языков. «Очерки» как бы призывают всех специалистов по иранским языкам последовать примеру их авторов, начать тщательное исследование малоизученных языков, их грамматики и словарного состава, внимательнее относиться к языковым фактам, которые раньше игнорировались, и т. д.

Не случайно подавляющее число выпусков посвящено глагольной системе: пять выпусков из шести обсуждают вопросы, связанные с глаголом и его категориями, и только один выпуск посвящается предлогу. Глагольная система таджикского языка очень сложна (значительно сложнее, например, системы глагола в персидском языке, в котором меньше видо-временных форм и в котором почти совсем не развита категория причастий и деепричастий), поэтому естественно стремление авторов «Очерков» направить свои силы на изучение таджикского глагола.

Разберем коротко основные достоинства и недостатки «Очерков».

Первый выпуск (автор А. З. Розенфельд) посвящен сложносоставным глаголам, представляющим в значительной мере именно специфику таджикского языка. Во многих иранских языках глаголы типа *давида рафтан* «убеждать», состоящие из причастия основного глагола и вспомогательного модифицирующего глагола, не отмечены. Автор первого выпуска ставит своей целью прежде всего описание состава и семантики сложносоставных глаголов, а также и теоретическое освещение проблемы аналитического выражения глагольных категорий, в частности вида. Следует сказать, что описательная часть и характеристика семантической и грамматической емкости сложносоставных глаголов, а также описание глаголов-модификаторов представляет собой сильную сторону выпуска. Однако трактовка грамматической природы сложносоставных глаголов и определение их места в грамматической системе оставляют чувство неудовлетворенности. В теоретическом освещении сложносоставных глаголов в изложении автора выпуска можно отметить ряд противоречивых и неверных утверждений.

Прежде всего о самом термине «сложносоставной глагол» (в пятом выпуске Д. Т. Таджиев предлагает уже другой термин — «сложновербальный глагол» — в соответствии, повидимому, с не совсем удачным термином, предложенным для индийских языков покойным акад. А. П. Баранниковым). Кстати сказать, у В. С. Расторгуевой в «Очерках по таджикской диалектологии» глаголы рассматриваемого типа называются «сложнодеепричастными». Разнобой в терминологии самих авторов «Очерков по грамматике таджикского языка», конечно, не похвален. Но дело, может быть,

* «Очерки по грамматике таджикского языка». Выпуски 1—6. — Сталинабад, Изд-во АН Тадж. ССР, 1953—1954. (Ин-т языка и лит-ры АН Тадж. ССР). (Тит. л. паралл. — на русск. и тадж. языках.)

Вып. 1—А. З. Розенфельд. Материалы к исследованию сложносоставных глаголов в современном таджикском литературном языке (1953. 49 стр.); Вып. 2—В. С. Расторгуева. О формах конъюнктива (сослагательного наклонения) в современном таджикском литературном языке (1953. 48 стр.); Вып. 3—В. С. Расторгуева. К вопросу о неочевидных или повествовательных формах таджикского глагола (1953. 28 стр.); Вып. 4—А. З. Розенфельд. Глагол (1954. 80 стр. Назв. серии на обл. и тит. л.: «Очерки по грамматике современного таджикского языка»); Вып. 5—Д. Т. Таджиев. Причастия в современном таджикском литературном языке (1954. 56 стр.); Вып. 6—Р. Л. Неменова. Предлоги в таджикском языке (1954. 39 стр.).

не столько в этом разноречии, сколько в существовании самих терминов. Нам кажется, что термин «сложный глагол» для различных типов таджикских (и персидских) глагольных словосочетаний хотя и традиционен, но едва ли удачен.

Термином «сложный глагол» в иранистике называют особые словосочетания, состоящие из имени или формы основного глагола и вспомогательного, причем вопросы различия между словом, аналитической формой и словосочетанием как бы не принимаются в расчет. Известно, например, что термин «сложный глагол» не соотносительен с термином «сложное существительное», которое всегда трактуется как одно целое оформленное слово. Недостаточно принимается в расчет также и то обстоятельство, что вспомогательный глагол, независимо от степени утраты им лексического значения, все же остается словом, а не суффиксом, не морфемой. Между тем об условности и недостаточности терминов, называющих все же словосочетание, а не слово, в выпуске нигде не говорится. Более того, от нерешенности основных вопросов, связанных с теорией слова, аналитической формы, словосочетания, сложного слова и т. д. в иранских языках, и происходит те теоретические противоречия, которые встречаются в выпусках, в частности в первом.

Автор выпуска пишет, что «сложносоставные глаголы представляют особое синтаксическое (разрядка наша. — Л. П.) сочетание двух значимых глаголов, не слившихся в единый фонетический комплекс и объединенных общим лексическим содержанием» (стр. 8). В этой формулировке правильно подмечен словосочетательный характер глагольного образования, характер нечленимого синтаксического комплекса, служащего в языке для выражения лексико-грамматических значений (обозначение в словосочетании глагольного понятия плюс категории предикативности, выраженные аналитически). Однако дальнейшие рассуждения автора противостоят этой правильной формулировке. В них вопросы словообразования, теории слова и словосочетания, вопросы состава слова и словосочетания просто-напросто смешаны. В результате природа «сложносоставных» глаголов осталась необъясненной.

Так, на стр. 10 А. З. Розенфельд, говоря о двух группах глаголов-модификаторов, пишет: «К глаголам первой группы относятся такие, которые могут составлять композит как с близкими, так и с совершенно отличными по значению основными глаголами, т. е. обладающие расширенной сочетаемостью. В первом случае они обозначают исполненное действие или неисполненное действие плюс дополнительный семантический оттенок, связанный с их собственным вещественным значением, и образуют лексему (?). Во втором случае эти глаголы служат для обозначения вида и образуют морфему (?), тем самым становясь принадлежностью грамматики».

Таким образом, получается, что вспомогательный глагол *рафтан* «уходить» в сложном комплексе *гуреста рафтан* «убежать» (см. пример на стр. 10) образовал новую «лексему», а в другом случае (*дабул карда рафт* «принял») тот же вспомогательный (или модифицирующий) глагол *рафтан* «образовал морфему», т. е. часть слова, как это принято считать в общем языкознании. Следовательно, словосочетание *гуреста рафтан* отождествляется с лексемой, т. е. со словом, а сочетание *дабул карда рафт* приравнивается к сложному слову, в котором служебное слово играет роль части слова — морфемы. Неясно, в каком значении употреблены автором термины «лексема», «морфема». Ясно одно, что процессы образования в таджикском языке разного рода синтаксических, лексико-синтаксических и фразеологических сочетаний явно смешиваются с процессами словообразования, слово — с частью слова и т. д. В некоторой степени этот недостаток характерен и для «Очерков» в целом.

Неясной остается и трактовка аналитических способов выражения грамматических значений. После прочтения всех выпусков невольно возникают вопросы: в чем разница между аналитической формой и «сложным глаголом», между свободным и связанным словосочетанием и аналитической формой? Где изучать «сложные глаголы» — в морфологии, в синтаксисе или, может быть, в разделе словообразования?

Все эти теоретические вопросы так или иначе придется решать авторам выпусков. Чувствуется, что авторы еще недостаточно координируют свои теоретические воззрения. А жаль! При большей слаженности в работе можно было бы избежать противоречия в теории, избежать разноречия в терминологии, в понимании основных вопросов грамматики.

Несмотря на то, что в первом выпуске мы имеем довольно подробное описание форм и значений «сложносоставных глаголов», тем не менее можно проследить некоторую односторонность семантико-грамматических характеристик, даваемых автором. Так, на наш взгляд, слишком сильно подчеркивается видовое значение модифицирующих глаголов и почти не говорится об их залоговых, временных и модальных значениях. Эту сторону необходимо было бы развить, показав «сложносоставные глаголы» во всей широте значений, ими выражаемых. Вопрос этот сложен, поэтому не о вине автора первого выпуска идет речь. Речь идет о том, что таджикологи должны, основываясь на первом выпуске, а также на работах других таджикологов (например, на ценных исследованиях В. С. Расторгуевой в области таджикской диалектологии), продолжать изучение «сложносоставных глаголов», представляющих, по нашему глубокому убеждению, интерес, далеко выходящий за рамки иранского языкознания.

Второй выпуск (автор В. С. Расторгуева) посвящен одной из мало изученных грамматических категорий в системе таджикского глагола, а именно — формам сослагательного наклонения. В работе подробно рассматриваются три сослагательные формы (*хонад*, *хонда бошад* и *мехонда бошад*). Четвертая форма (*хонда истода бошад*) характеризуется менее подробно, причем включение ее в систему модальных (аористных) форм является новым моментом в теории таджикского языка.

Совершенно верно В. С. Расторгуева отмечает, что «в данном случае мы имеем дело не со сложным глаголом, а с глагольной формой» (стр. 39). Мы добавили бы: аналитической формой — и попытались бы объяснить разницу между сложным глаголом и аналитической формой, о чем говорилось выше. Это помогло бы авторам, которые в настоящее время продолжают работать над изучением грамматики таджикского языка, точнее — трактовать природу «сложных глаголов», аналитических форм, природу словосочетаний и т. д. Это поможет, кроме того, авторам ныне готовящейся грамматики на таджикском языке (авторы — языковеды Таджикистана Ш. Ниязи, Д. Таджиев, Б. Ниязмухамедов и др.).

Во втором выпуске подробно и тщательно характеризуются формы сослагательного наклонения. Заслугой В. С. Расторгуевой является то, что ею доказана необходимость объединения разных глагольных сослагательных форм в единую систему выражения соответствующего наклонения. Ранее это было сделано ею в «Очерках по таджикской диалектологии», однако во втором выпуске эта мысль доказана с большей силой в отношении литературного языка. Нам кажется, что цель, которую поставил автор, оказалась достигнутой. Автором установлено значение и употребление каждой из рассматриваемых форм, выявлено то общее, что позволяет объединить их в единую систему выражения сослагательного наклонения, определено место этих форм в общей системе таджикского глагола. Особенно ценен тщательный и вдумчивый анализ значений, выражаемых аористом, прошедшим временем сослагательного наклонения и длительной формой *мехонда бошад*. Этот подробный анализ форм и их значений — несомненный вклад не только в теорию таджикского языка, но и в теорию других иранских языков, особенно персидского. Переводы вообще должны быть благодарны авторам «Очерков по грамматике таджикского языка», так как многие положения «Очерков» имеют самое непосредственное отношение к персидскому языку. Собственно говоря, за них (за переводов) наши таджикологи выполняют значительную долю работы.

Можно поставить в упрек автору второго выпуска то, что вопросы употребления аориста в простом предложении и в сложном предложении не разграничены с достаточной полнотой. В выпуске мы нашли только констатацию того, что аорист употребляется в самостоятельном, независимом предложении, с одной стороны, и в зависимых, т. е. придаточных предложениях — с другой (стр. 12). К сожалению, проблема разграничения простого предложения и придаточного дополнительного или придаточного цели, на наш взгляд, вообще еще не решенная, в выпуске не ставится. Не совсем ясно, почему формы с *бошад* и *мехбошад* рассматриваются в кругу простых предложений, а формы, например, с модальным глаголом *хостан* «хотеть» — в кругу сложных предложений. Мы не можем согласиться, что в предложении *Мехоҳам ҷиҳози намедоништагиро ёд гирам* «Я хочу изучить вещи, мне не известные» мы имеем дело со сложным предложением: главным (*мехоҳам*) и придаточным дополнительным (все остальные слова). Здесь лучше было бы рассматривать сочетание *мехоҳам ёд гирам* «хочу изучить» как сложное глагольное сказуемое, передающее желание, намерение субъекта совершить действие. В таких предложениях отсутствуют признаки сложного предложения, и один лишь факт подчиненности аористой формы модальному глаголу ничего не говорит в пользу того, что здесь мы имеем дело со сложным предложением (ср. *бошад бошам* «я должен быть»), где, по мнению самого же автора выпуска, нет сложного предложения).

Вопрос этот остается спорным и нерешенным, так как, кроме модальных глаголов, с аористом употребляются также многочисленные их эквиваленты. Союз *ки ҷамо* «чтобы», который иногда стоит между модальным глаголом или его эквивалентом и аористой формой, также, на наш взгляд, не помогает решению проблемы разграничения простого предложения и сложного.

Третий выпуск принадлежит тому же автору. Он посвящен неочевидным или повествовательным формам таджикского глагола. С той же тщательностью и подробностью, как и во втором выпуске, В. С. Расторгуева выясняет значение и употребление таджикских перфектных форм *хондааст*, *мехондааст*, *хонда будааст*, *хонда истода будааст*. Фактический языковой материал, касающийся также и персидского языка, разобран точно и правильно. Постановка вопроса о том, что все эти формы семантически объединяются как выразители неочевидности, «заглазости» действия, является новой для иранского языкознания и, повидимому, правильной. Но следует все же отметить, что неочевидностью не следует увлекаться, так как ею характеризуются, как на это справедливо указывает сам автор, «ведущие модальные оттенки перфектных форм». Как известно, модальные значения перфектных форм вторичны и не являются основными, оправдывающими существование их в языке.

Некоторое преувеличение теории неочевидности привело автора выпуска к поспешным выводам о том, что термины «перфект» или «результативные формы» следовало бы заменить термином «неочевидные формы». Еще ранее В. С. Расторгуева в своих «Очерках по таджикской диалектологии» (вып. 2) отнесла перфектные формы на основании имеющихся в них модальных значений к формам наклонения. Поскольку в заключительных строках рецензируемого выпуска автор ставит этот вопрос на «суд таджикской научной общественности» и, надо полагать, на суд прагматической общественности вообще, мы позволим себе предостеречь автора от такой поспешности. Нам кажется, что главное в таджикских перфектных формах — это выражение преемственной связи между двумя плоскостями прошедшего момента и настоящего момента или более позднего момента, т. е. выражение определенных и каждый раз меняющихся видо-временных значений. Модальные оттенки перфектных форм, как уже было сказано, вторичны.

Четвертый выпуск посвящен общей характеристике таджикского глагола (автор А. З. Розенфельд). Автор, повидимому, ставил целью обобщить все накопленные данные относительно глагола и изложить их в кратком виде как определенную систему. Здесь рассматриваются многочисленные вопросы, касающиеся всей системы глагола. В результате получилось схематическое изложение системы, не претендующей на новизну.

Мы вовсе не отрицаем полезности подобного рода работ, тем более, что хорошей практической грамматики таджикского языка еще нет. Однако надо отметить, что сейчас гораздо важнее писать работы по конкретным вопросам грамматики (монографическое изложение какого-нибудь одного или двух-трех явлений), чем систематизировать в сжатом виде известные факты. С другой стороны, крайне необходимо углубленное теоретическое истолкование наиболее общих вопросов грамматики, так сказать, вопросов категориальных, — без этого не получится системы. Поэтому многие положения, кратко высказанные автором четвертого выпуска и зачастую ничем не мотивированные, вызывают возражения. Мы не будем останавливаться на каждом положении — их в работе много. Для примера приведем лишь следующее.

В конце выпуска, начиная со стр. 64, автор говорит о виде (раздел 12) и далее в отдельном разделе — о выражении начинательности. Можно подумать, что автор не относит значение начинательности к видовым значениям. Так, по крайней мере, построена работа. Но дело не только в этом. Дело в том, что из работы все же остается неясным, имеется ли грамматическая категория вида в таджикском языке. Являются ли формы с приставкой *ме* видовыми или временными? Можно ли включать аналитический способ выражения видовых значений в систему грамматической категории вида?

На стр. 64 автор утверждает, что «в таджикском языке вид выражается двумя способами: глагольными частями и различными вспомогательными видовыми глаголами». В этом утверждении неясна сама постановка вопроса. Идет ли речь о видовых значениях, выражаемых языком вообще, или речь идет только о виде как определенной грамматической категории глагола. Если речь идет вообще о видовых значениях, тогда совершенно недостаточно сказать, что «в таджикском языке вид выражается двумя способами» (ср. часто встречающееся лексическое выражение видовых значений, например, обстоятельственными словами). Если речь идет о виде как глагольной категории, тогда неясно, какие имеются виды, как они соотносятся с временами и наклонениями, как они выражаются (синтетически или аналитически) и т. д.

Подобного рода вопросы возникают также в отношении других глагольных категорий — залога, времени, наклонения. В изложении способов выражения этих категорий нет стройности и четкости. Так, например, в § 98 сказано, что «в качестве модальных слов выступает ряд наречий, междометий, частиц...». Наречия, междометия и частицы привлечены автором для того, чтобы полнее показать способы выражения модальности. Это правильное стремление. Но бросается в глаза небрежность в обращении с терминами «модальное слово», «междометие», «частица» (ср.: «в качестве модального слова выступает... частица»), как и в первом выпуске, где нечетко и неясно употреблялись термины «лексема», «морфема».

В связи с четвертым выпуском вернемся еще раз к вопросу о различении простого и сложного предложения. Предложение *Гульру дар торикӣ онро натавонист шиносан* «Гульру в темноте не могла его узнать» квалифицируется, вслед за В. С. Расторгуевой, как сложное, причем игнорируется, к сожалению, и то, что слова *Гульру дар торикӣ онро натавонист* не имеют законченного смысла, и то, что между *натавонист* (модальным глаголом) и *шиносан* (аористом основного глагола) в данном предложении не в о з м о ж н о поставить союз *ки*, а также и то, что *натавонист шиносан* представляет собой нечленимый семантико-синтаксический комплекс, выступающий всем своим составом в сказуемом. Даже предложение *Колхоз мехоҳад ки Шодиро бо тантана истиқбол кунад* «Колхоз хочет торжественно встретить Шоди» следует, на наш взгляд, считать простым, несмотря на наличие союза *ки*, который в данном случае факультативен.

В пятом выпуске (автор Д. Т. Таджиев) мы впервые в истории таджикологии находим подробное описание таджикских причастий. В отличие от других иранских языков категория причастий в таджикском языке представляет собой сложную и развитую систему. Наличие развитой системы причастий резко отличает таджикский язык, например, от персидского, в котором, повидимому, можно говорить лишь об одном причастии прошедшего времени. Что касается таджикского языка, то в нем довольно четко выделяются, как это убедительно показывает Д. Т. Таджиев, не только причастия прошедшего времени, но и причастия настоящего времени, настоящего-будущего времени, настоящего определенного времени (так называемые «причастия должествования» в традиционной грамматике).

Как известно, причастие является двойственной категорией: оно совмещает в себе признаки двух частей речи — глагола и прилагательного. Совмещение признаков не мешает причастию оставаться в системе глагола, которая служит для причастия морфологической и синтаксической опорой. Глагол как бы рождает причастие, и лишь в процессе развития языка отдельные причастия откалываются от глагольной системы и постепенно переходят в разряд имен. Сложная картина взаимодействия глагольных и адъективных признаков у таджикских причастий хорошо показана автором пятого выпуска. На многочисленных примерах синтаксического употребления отглагольных форм типа *раванда*, *рафта*, *рафтаги*, *мерафтаги*, *рафта истода*, *рафта истодаги*, *рафтани* Д. Т. Таджиев выявляет их глагольность (видо-временная и залоговая характеристика, наличие управления, сходного с глаголом, и др.) и тем самым доказывает, что все эти формы должны быть оставлены в орбите глагола.

Из всех отглагольных форм форма на -о, рассматриваемая под рубрикой «причастия настоящего времени», отнесена автором к разряду прилагательных, а форма на -он, также называемая причастием, включается как в группу прилагательных, так и в группу деепричастий; ср. *бурро* «острый», *бурротар* «острее», *намоён* «видный», *зандон* «смеющийся», «смеясь» и т. д.

Здесь явно заметно влияние на автора старой грамматической традиции, а отсюда и непоследовательность в классификации отглагольных форм. Если формы на -о, -он имеют лишь генетическую связь с глаголом и в современном языке не проявляют причастных свойств, то нет оснований называть их причастиями и рассматривать под рубрикой «причастия настоящего времени». Это чувствует сам автор, но он все же не решает порвать со старой традицией. Такая нерешительность приводит к противоречию: отглагольные формы на -о, -он, с одной стороны, считаются причастиями (даже традиции!), а с другой стороны, включаются в разряд прилагательных и деепричастий (результат верных наблюдений!). Для устранения этого противоречия нужна решимость, которой нехватает многим нашим иранистам.

Неясным остается вопрос о деепричастиях в таджикском языке. Имеются ли они? Можно ли на основании синтаксических функций относить некоторые разряды отглагольных форм к деепричастиям? Нет ли различия в понимании терминов «отглагольное имя», «причастие», «деепричастие» применительно к таджикскому языку? Все эти вопросы так или иначе придется решать авторам выпусков, коль скоро они готовят материалы для будущей полной грамматики таджикского языка.

Отметим ряд неточностей, допущенных в пятом выпуске. Например, модальное слово *гӯё* в предложении *гӯё надида аст* «как будто он не видел» трактуется как союз (стр. 6). Глагол *гаиштан* «бродить», повидимому, по недоразумению, попал в число глаголов состояния (стр. 17) и др.

Последний, шестой, выпуск (автор Р. Л. Неменова) посвящен предлогам. Работа, по словам автора, «является попыткой охарактеризовать морфологические разряды, основные значения и функции предлогов в таджикском языке» (стр. 6). Автора больше всего интересуют значения предлогов как релятивных слов, поэтому каждый предлог с этой точки зрения получил довольно полную характеристику. В этом ценность работы Р. Л. Неменовой. Структурная классификация предлогов, предлагаемая автором, традиционна и не вызывает возражений. Все предлоги подразделяются на простые и сложные, причем в группу простых входят первичные предлоги и вторичные (зафетные), в группу составных — комбинированные сочетания предлогов первой группы. С этим нельзя не согласиться, хотя, к сожалению, такая классификация дается автором без всяких теоретических обоснований. Следовало бы все же ее объяснить. Другой классификации, например функциональной, автор не предлагает и тем самым не вносит ничего нового в классификационную схему. Следовало бы предложить такую классификацию, которая базировалась бы на отношениях и связях, выражаемых предлогами внутри словосочетаний. Путь трудный, но заслуживающий внимания.

Общая характеристика предлогов (стр. 7—8), на наш взгляд, недостаточна. Некоторые теоретические замечания этого раздела требуют уточнения и доработки. Так, например, желая показать место предлогов среди других служебных слов, автор выпуска пишет: «Предлоги в таджикском языке довольно отчетливо выделяются среди других служебных слов и показателей: союзов, частиц, последогов. Предлоги отли-

чаются от послелогов не только по месту в предложении..., но и по своей лексической значимости, что отчетливо обнаруживается в словообразовании» (стр. 7—8).

В этом утверждении заключено, по крайней мере, два неверных положения. Во-первых, неверно, что предлоги отличаются от послелогов по своей лексической значимости. О каких предлогах идет речь — о первичных или вторичных? Нельзя противопоставлять предлоги и послелогии ни по их лексическому значению, ни по синтаксической функции. Предлоги и послелогии в таджикском языке — сходная единая категория слов (ср. слово *қотӣ*, которое может быть то предлогом, то послелогом). Во-вторых, неверно говорить о том, что отличие предлогов от послелогов отчетливо обнаруживается в словообразовании. Ведь если предлог, сливаясь с именем, становится префиксом (частью слова), то послелог вовсе не лишен возможности стать частью слова (ср. *шабро* «ночью», где послелог *ро*, так же как и предлог *дар* в *даромад* «выступление», «прибыль», утратил свое синтаксическое значение и слился с именем). Вообще невозможно, повидимому, противопоставлять предлоги послелогам ни с лексической, ни с грамматической, ни со стилистической точки зрения. При этом понятно, что все предлоги и послелогии, объединяясь в общую лексико-синтаксическую категорию, имеют каждый в отдельности свою специфику. Эта специфика, кстати сказать, хорошо показана Р. Л. Неменовой при описании основных групп предлогов.

Желательно было бы добавить к общей характеристике предлогов более четкое определение различий между первичными и вторичными предлогами, показать более рельефно отличие изафетных предлогов от омонимичных им существительных, наречий. Хорошо было бы на одном-двух примерах объяснить процесс превращения имени в предлог. Ценная и нужная для иранистики работа Р. Л. Неменовой от этого только выиграла бы.

Несмотря на отмеченные недостатки и упущения, рецензируемые шесть выпусков по грамматике таджикского языка представляют собой несомненный вклад в науку об иранских языках. Советские иранисты с нетерпением ждут от авторов выпусков новых работ по таджикскому языку. Хотелось бы, чтобы дальнейшая работа авторов проходила с учетом следующих пожеланий: больше исследований по частным вопросам, больше теоретической точности в выводах и формулировках, больше единства в теоретических воззрениях и терминологии.

Л. С. Пейсигов